

Иностранцы также стали проявлять интерес к путешествиям по Волге и оставили в XIX в. немало описаний этих поездок. Бытовали сравнения Волги и Рейна как двух «национальных» рек. Волга и Нил сравнивались как центры двух цивилизаций. Для туристов начали издавать путеводители о Волге и расположенных на ней городах (их содержание подробно рассматривается в книге). В них, по словам автора, «Волга представлена как родина, как национальное, православное, а также имперское пространство, которое подлежало и подлежит цивилизаторскому оформлению». Таким образом, «как место воспоминаний она в последние десятилетия царизма обнаруживает тенденцию к русской этнизации» (S. 421). Хаусманн подчёркивает, что в конце исследуемого периода наблюдались значительные изменения в образе реки: Волга-матушка,

выступавшая до этого в восприятии и сохранявшаяся в исторической памяти отдельных слоёв населения как кормилица и их малая родина, стала общенациональным историческим и культурным достоянием страны, зеркалом имперской России.

Книга профессора Г. Хаусманна является глубоким, хронологически и систематически структурированным комплексным научным исследованием того, каким образом и в каких формах в течение четырёх веков проявлялась и сохранялась память о Волге в различных социальных и культурных слоях российского общества. Книга многопланова и сложна для восприятия, но одновременно интересна и познавательна. Остается только сожалеть, что она доступна лишь для читателей, владеющих немецким языком.

Ф.И. Новик

Дневники императора Николая II (1894–1918). Отв. ред. С.В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2011. (Серия «Бумаги дома Романовых»). Т. I (1894–1904). 1101 с., ил.

Несмотря на огромное количество написанного о последнем российском императоре, он до сих пор во многом остаётся фигурой загадочной и непояснённой. Не прекращаются споры о реальной роли царя в политической жизни страны конца XIX – начала XX в., особенностях его взаимоотношений с ближайшим окружением, степени его ответственности за крушение монархии. Думается, что аргументированно обсуждать эти вопросы исследователям поможет публикация дневников Николая II, подготовленная коллективом авторов (З.И. Перегудова, Д.А. Андреев, В.М. Хрусталёв, Е.А. Голосовская, А.А. Литвин, Г.Г. Толстикова) под редакцией С.В. Мироненко. Издание выполнено на высоком научном уровне, снабжено комментариями, иллюстрировано большим количеством фотографий, освещающих жизнь царской семьи и её зарубежных родственников. Особенно хочется отметить подробные указатели, занимающие около четверти объёма книги. Здесь разясняются и реалии, необходимые для понимания эпохи в целом

(персоналии, географические названия, церковные термины, единицы мер и весов, устаревшие слова), и понятия, без знакомства с которыми трудно осмыслить особенности быта императорской фамилии (придворные чины, театральные постановки, названия воинских частей, игры, корабли, охотничьи термины).

Человек, «застёгнутый на все пуговицы», предельно сдержанный, закрытый для окружающих – таким последний царь запомнился современникам и таким он в значительной степени предстаёт на страницах своего дневника, заполненного по большей части сухими и лапидарными записями. Разумеется, это не было признаком некой «эмоциональной тупости», как полагал К.Ф. Шацилло – автор яркого, но весьма пристрастного предисловия к одной из публикаций дневников Николая II¹. Сызмальства приученный к самодисциплине, Николай Александрович (как и многие представители аристократии того времени) использовал хронографирование для более чёткой организации текущих дел, планирования предстоящих меро-

приятий, структурирования отношений с огромным количеством людей, с которыми ему приходилось встречаться. В дневники, вовсе не предназначенные для потомков, вносилась прежде всего внешняя событийная канва того, что происходило с царём – отсюда и шокировавшая впоследствии историков манера перечислять «через запятую» действительно крупные события и мелкие происшествия.

Тем не менее публикуемые материалы дают немало ценной информации и о внутреннем мире царя, и о политической жизни его времени. Вот, например, характерная вставка, сделанная в дневник Александрой Фёдоровной (тогда ещё невестой!) в трагические дни предсмертной болезни Александра III. «Будь твёрдым, – внушает она будущему мужу, – и вели докторам... приходите к тебе каждый день и только тебе одному сообщать, как они его находят... Не позволяй другим оказываться первым и оттеснять тебя. Ты – любимый сын своего отца, и тебе должны обо всём рассказывать и всё у тебя спрашивать. Показывай себя и не позволяй другим забывать о том, кто ты есть» (с. 121–122). Удивительно схожие по тону и содержанию рекомендации императрица будет давать мужу в течение всей жизни. Сам же молодой царь фиксировал в дневнике настроения неуверенности, неловкости, которые в середине 1890-х гг., конечно, объяснялись новизной встававших перед ним задач управления, но в известной степени будут характерны для него на протяжении всего царствования. «Совсем теряешься и с толку сбиваешься», – писал он в ноябре 1894 г. «Был в страшных эмоциях перед тем, чтобы войти в Николаевскую залу», – отметил монарх в январе следующего года по поводу знаменитой речи о «бессмысленных мечтаниях» (с. 130, 182).

Из отдельных, рассеянных по страницам дневника деталей складывается картина политической жизни первого десятилетия царствования, дополняющая хорошо известные данные рядом важных подробностей. Вот в 1895–1896 гг. император радуется победе абиссинцев над итальянцами (союзниками нелюбимых им англичан) и доволен тем, что удалось (несмотря на интриги тех же «милых англичан») заключить соглашение с Китаем

о займе. Надо сказать, что в сфере политики Николай II достаточно чётко разделял личное и государственное и, при всём почтении к своей старшей родственнице, королеве Виктории, стремился твёрдо отстаивать интересы России. «Увы, политика, – писал царь “дражайшей бабушке”, – не то, что частные или домашние дела, и в ней нельзя руководствоваться личными чувствами и отношениями. Подлинный учитель в этих вещах – история, а передо мной лично, кроме этого, всегда священный пример моего горячо любимого отца, как и результаты его деяний!» (с. 321).

Симптомом растущего интереса Николая к дальневосточным делам в 1890-е гг. служат его частые встречи с П.А. Бадмаевым и Э.Э. Ухтомским – деятелями, энергично обосновывавшими необходимость продвижения России на восток. Царь, как известно, во многом разделял их идеи, но сам был настроен вовсе не воинственно. «Дай Бог только не втянуться в войну», – записывает он в дневнике по поводу противостояния с Японией в 1895 г. (с. 195). Появление у престола фигур, подобных Бадмаеву, отразило характерную черту нового царствования – усиление роли разного рода неформальных влияний и доверенных лиц, которые в глазах царя были противовесом слишком косному, по его мнению, официальному бюрократическому аппарату. Что же касается деятелей прежних эпох, то они постепенно отходят в тень. Так, царя ещё регулярно посещает знаменитый советник его отца К.П. Победоносцев, но ясно, что пик влияния этого политика уже в прошлом. «Как всегда, с добрыми советами и всякого рода предостережениями», – иронически отмечает царь после очередного визита престарелого сановника (с. 239).

Несмотря на всю сдержанность Николая II, сильные чувства не раз прорываются на страницы его дневника, что опять-таки не позволяет говорить о некоем бесстрастном прозябании как главной форме его существования. В первую очередь, конечно, эти эмоциональные всплески относятся к делам семейным – болезни и смерти отца, затем – уже в радостном ключе – к рождению детей. «Почти не верится, что это наше дитя! – пишет молодой отец о рождении первой дочери, Оль-

ги. – Боже, что это за счастье!» (с. 235). Он не был, вопреки распространённому стереотипу, абсолютно безразличен и к ходынской катастрофе. «Случился великий грех... Отвратительное впечатление осталось от этого известия», – записывает он в дневнике после получения сведений о гибели людей (с. 276). И всё же можно согласиться с тем, что, погружённый в семейную и придворную жизнь, Николай II до конца всё-таки не понимал последствий происходящего. Едва решив вопрос о назначении следствия по делу о Ходынке, он описывал свои восторги по поводу удачного парада и высокой оценки, данной войскам иностранцами, хотя, конечно, парады были далеко не самым главным, о чём следовало думать в то время.

Духовная близость, связывавшая царя с его женой – ещё одна важная тема дневника, проявившаяся, в частности, в ряде вставок (интерполяций), сделанных Александрой Фёдоровной в дневник жениха, а затем мужа. Воспроизводство, перевод и тщательный текстологический анализ вставок (игнорировавшихся ранее большинством публикаторов и исследователей) составляет важную заслугу издателей. Отрывочные фразы и целостные фрагменты текста, цитаты и пассажи собственного сочинения, образы, метафоры, отсылки к сочинениям и сюжетам, хорошо знакомым царственной семье, но далеко не всегда что-то говорящим современному читателю – из всего этого вырисовывается не только картина взаимоотношений Николая и Александры, но и совокупность важных деталей, характеризующих особенности духовного мира Императорской фамилии, её образа жизни, круга общения, излюбленного чтения и др.

Важной составной частью рецензируемого издания является содержательное введение, в котором, в частности, рассматривается история публикации дневников Николая II, что могло бы стать предметом самостоятельного исследования. В судьбе романовских бумаг, вывезенных большевиками после расстрела царской семьи из Екатеринбурга буквально накануне вступления туда белых, немало драматически-авантюрных поворотов. Здесь и тайная публикация части дневников на Западе, осуществлённая архивистом

В.Н. Сторожевым уже после размещения документов царя в советских архивах; и расследование, проводившееся властями, с целью выявить организатора публикации; и несколько неудачных попыток научного издания дневников в СССР в 1920-е гг. Возрождение интереса к дневникам Николая II произошло уже в конце 1980-х гг., результатом чего стал ряд публикаций, однако история и здесь внесла свои коррективы: из-за недостатка средств в обстановке экономического кризиса увидел свет только один том из задуманных двух, причём опубликованы были (да и то с сокращёнными указателями и комментариями) записи лишь за 3 сравнительно коротких отрезка времени (1894–1896, 1904–1907 и 1913–1917 гг.).

Настоящее издание, также представляющее собой первую книгу запланированного двухтомника, охватывает 1894–1904 гг. Работать с текстом читателю помогают, помимо иллюстраций и указателей, подробные комментарии, включающие в себя фрагменты переписки, дневников и воспоминаний современников (великих князей Константина Константиновича и Александра Михайловича, гр. С.Д. Шереметева и др.), выдержки из официальных документов и сообщений прессы. Комментарии к дневникам имеют самостоятельную научную ценность, позволяя детально представить те или иные события в жизни царской семьи и всего государства, обстоятельства принятия управленческих решений, взаимоотношений внутри правящих династий. Тщательная проработка комментариев и указателей, наряду с профессионализмом археографической подготовки текста, обуславливают высокий научный уровень рецензируемого издания.

Вместе с тем, признавая достоинства публикации, необходимо отметить и отдельные её недостатки. Несмотря на то, что введение к книге, как отмечалось, в целом представляет собой качественно написанное, насыщенное информацией исследование, входящий в его состав раздел «Николай и Александра: жизнь и судьба» производит до известной степени впечатление искусственной вставки. Это скорее популярно-беллетристическое сочинение, рассчитанное на малоподго-

товленного читателя и содержащее массу общеизвестных фактов. Воспроизводятся большие отрывки из переписки Николая II, часто по смыслу повторяющие друг друга, вызывающие у читателя чувство умиления, но мало что дающие для научного анализа заявленной темы. Строгая публикаторская дисциплина, характерная для авторов сборника, в этом разделе явно слабеет. Так, письма Александры Фёдоровны к мужу почему-то цитируются по книге О.А. Платонова «Терновый венец России» (с. 29–30). Апокрифическое заявление Александра III сыну по поводу его женитьбы воспроизводится без всякого анализа, со слов деятеля Белого движения и эмигранта С.Д. Познышева (1889–1980), явно не входившего в окружение последних императоров (с. 14). Присутствуют в данном разделе и опечатки, и досадные грамматические и смысловые ошибки. Так, протопресвитер И.Л. Янышев стал и «пресвитером» (с. 21), и даже «протопресвестером» (с. 19). Ряд материалов, процитированных во введении, без объяснений дублируется в комментариях (с. 319–321).

Некоторые указатели кажутся излишне подробными. Думается, вряд ли стоило специально разъяснять смысл слов «облава», «бенефис», «помолвка», выражение «посошок на дорожку».

Однако, несмотря на эти замечания, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что рецензируемое издание вносит важный вклад в изучение политической истории, духовной и культурной жизни России конца XIX – начала XX в. Информативность императорских дневников в сочетании с высоким качеством указателей, комментариев и иллюстративного материала, умение публикаторов выявить и искусно интерпретировать важные малоизвестные аспекты источников – всё это позволяет утверждать, что без обращения к данному изданию не обойдётся ни одно исследование, посвящённое последним десятилетиям Российской империи.

А.Ю. Полунов

Примечание

¹ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 10.

P. Berton. Russo-Japanese Relations, 1905–1917: From Enemies to Allies. L., N.Y.: Routledge, 2012. 203 p.*

В последнее время предметом повышенного интереса историков стало сближение России и Японии после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. и особенно в 1914–1917 гг., которые обоснованно именуют временем «исключительной дружбы» двух стран¹. Книга Питера Бертон, заслуженного профессора Школы международных отношений университета Южной Калифорнии (США), является не первым обращением этого авторитетного эксперта по делам Дальнего Востока к истории российско-японских контактов. Тем же вопросам была посвящена его докторская диссертация, защищённая в Колумбийском университете в далёком 1956 году, и ряд недавних публикаций².

Владея основными европейскими языками, включая русский, Бертон сво-

бодно ориентируется в разноязыких источниках, мемуарной и исследовательской литературе, посвящённой интересующей его проблематике, демонстрирует широкую эрудицию в событийной стороне вопроса. Особенно ценно глубокое знание им истории Японии, её культуры и языка, которые он начал изучать ещё в середине 1940-х гг. в бытность работником штаба генерала Д. Макатура и продолжил в начале 1950-х гг., став одним из трёх аспирантов Колумбийского университета, которых МИД Японии допустил к работе с ранее недоступными для исследователей документами своего архива. Это даёт ему возможность привлекать библиографически редкие издания воспоминаний, сборники статей и многотомные биографии, составленные ближайшими соратниками

* **Бертон П.** Русско-японские отношения, 1905–1917: от вражды к союзу. Лондон; Нью-Йорк: Рутледж, 2012. 203 с.